

ОТ ПОКОЛЕНИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К ПОКОЛЕНИЮ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Д.В. Иванов
Институт философии РАН

Аннотация: В статье исследуется эволюция философских поколений в московской академической среде в период с конца 90-х годов прошлого века до середины 10-х годов нынешнего столетия. В работе отмечается, что понятие «философское поколение» следует употреблять для указания на исключительность какого-либо культурного явления, связанного с определенным периодом времени. Как правило, на этих этапах развития общества мы отмечаем во всех сферах культурной жизни особый подъем творческой активности, связанной с производством или освоением новых идей, смыслов, появлением новых трендов в обсуждении уже знакомых проблем и явлений, формированием особого видения, восприятия мира в целом. Именно вовлеченность в эту активность позволяет сложиться особой поколенческой идентичности, предполагающей наличие ощущения причастности к какому-то общему процессу. Другой тезис этой статьи заключается в том, что за волнами творческого подъема всегда следуют спады. В эти периоды мы не можем выделить какого-то единого культурного тренда, позволяющего сложиться обозначенной идентичности. Соответственно, мы не можем говорить о наличии особого поколения. Опираясь на личный опыт, автор статьи отмечает те изменения в академической философской среде, которые происходили в обозначенный период. Эта трансформация характеризовалась переходом от поколения континентальной философии 90-х годов через период спада к формированию поколения аналитической философии в конце нулевых – начале десятых годов этого века.

Ключевые слова: история русской философии, философское поколение, континентальная философия, аналитическая философия.

Трудно определить, что мы имеем в виду, когда говорим о философском поколении. Я полагаю, что нам не следует связывать с этим понятием те смыслы, которые мы вкладываем в слово «поколение», используя его в повседневной жизни или же как социологический термин, обозначающий «бумеров», «поколение X», «миллениалов» или «зумеров». Скорее, мы употребляем это понятие для того, чтобы подчеркнуть исключительность какого-либо культурного явления, связанного с определенным периодом времени. Как правило, на этих этапах развития общества мы отмечаем во всех сферах культурной жизни особый подъем творческой активности, связанной с производством или освоением новых идей, смыслов, по-

явлением новых трендов в обсуждении уже знакомых проблем и явлений, формированием особого видения, восприятия мира в целом. Именно вовлеченность в эту активность позволяет сложиться особой поколенческой идентичности, предполагающей наличие ощущения причастности к какому-то общему процессу. По-видимому, именно таким образом нам следует понимать феномен поколения шестидесятников в советский период. Думаю, будет правильным также сказать, что и девяностые годы были периодом появления особого философского поколения.

Однако за волнами творческого подъема всегда следуют спады. Это не значит, что происходит деградация культуры. Просто в эти периоды мы не можем выделить какого-то единого культурного тренда, позволяющего сложиться обозначенной идентичности. Соответственно, мы не можем говорить о наличии особого поколения. Если же мы все-таки попытаемся выделить какое-либо поколение, то сделать это возможно только через противопоставление.

Моя профессиональная деятельность началась в 2000 году и пришлась как раз на такой спад. Именно поэтому мне трудно однозначно отождествить себя с каким-то особым философским поколением. Я мог бы сказать, что представляю какое-то транзитное поколение. Таковую оценку я делаю на основании того контраста в интенсивности творческой, философской жизни в академической среде, с которым мне пришлось столкнуться на рубеже 1990-х и 2000-х годов после завершения обучения на философском факультете МГУ.

Я обучался в университете во второй половине 1990-х годов. Поступив на философский факультет после недолгого и довольно скучного обучения в МГТУ им. Н. Э. Баумана, я был поражен той творческой атмосферой, которая присутствовала на факультете. Это проявлялось даже не столько в том, что очень многие мои знакомые писали стихи, рисовали картины или были музыкантами, а, скорее, в том искреннем желании, имевшемся у многих обучающихся на факультете, осваивать или самим генерировать философские идеи, часто провокационные, и обсуждать их в любой удобный момент как на семинарах, так и вне аудиторий. В стремлении познакомиться с современной философией мы скупали кипами выходившие книги и философские журналы, которые во множестве появлялись в то время, например такие, как «Логос». Для нас было нормальным каждую неделю покупать по 5–7 книг.

Нужно отметить, что на девяностые годы пришелся, как мне кажется, бум книгоиздания философской литературы. По-моему мнению, формирование философского поколения 90-х было обусловлено во многом именно тем потоком переводной литературы, который захлестнул нашу страну в этот период. Мы осваивали, прежде всего, идеи постхайдеггерианской континентальной философии. Во второй половине девяностых годов на факультете активно обсуждались в первую очередь работы постмодернистских философов, чьи провокационные релятивистские тезисы порождали наиболее жаркие дискуссии.

Популярности континентальной философии также способствовали приезды в Россию ведущих философов этой традиции, таких, например, как Ж. Деррида, Р. Рорти, Ж. Бодрийяр, П. Рикер, К.-О. Апель, У. Эко. Интерес к зарубежным философам этого направления был так велик, что на их выступления, которые организовывались в больших поточных аудиториях МГУ, можно было попасть с большим трудом. Из-за нехватки мест народ часто сидел просто в проходах, на ступеньках. Приезды этих философов всегда были большими событиями в московской интеллектуальной жизни, которые мы старались не пропускать.

Среди интересных явлений того времени следует отметить возникновение множества различных интеллектуальных сообществ, в рамках которых проходили неформальные встречи и устраивались обсуждения философских вопросов. Такие встречи проводились, например, на кафедре онтологии и теории познания философского факультета МГУ. Их организаторами были молодые преподаватели кафедры Василий Юрьевич Кузнецов и Вячеслав Евгеньевич Дмитриев. Эти встречи нельзя назвать научными семинарами, они не регламентировались каким-то особым образом, на них никто не делал специальных докладов. Это просто

было пространство, где в свободном стиле обсуждались философские вопросы. Встречи проходили по вечерам, собирая не только философов, но и разнообразную московскую интеллектуальную публику, объединенную общими знакомствами (проход в здание гуманитарных факультетов МГУ тогда был совершенно свободным). Руководство факультета не всегда было в курсе предстоящих встреч и обсуждений.

Помимо подобных публичных дискуссий философские вопросы всегда активно обсуждались также в узком кругу друзей, единомышленников, объединявшихся для совместной философской и творческой работы. На многих моих знакомых заметное влияние оказала группа «Анонсенс», одним из организаторов которой был В. Е. Дмитриев, предоставивший свою квартиру для совместных встреч. Работу этой группы я охарактеризовал бы как некую форму постмодернистского философско-литературного коллективного творчества. Под влиянием этой группы мы с друзьями-однокурсниками также стали регулярно собираться у меня дома (я тогда жил недалеко от университета), пытаясь выработать собственный подход к работе с философскими вопросами, который в общем оставался близким по духу к деятельности «Анонсенса». Наша группа, которую мы назвали «Палеонтология», собиралась по субботам на протяжении нескольких лет. В основной состав группы входили Дмитрий Петровых, Андрей Ушаков, Дмитрий Кралечкин, Вячеслав Данилов и я, Дмитрий Иванов. Впоследствии все участники «Палеонтологии» защитили кандидатские диссертации. К настоящему времени Кралечкин известен в научных кругах переводами философских текстов, он также является автором нескольких книг, две из которых написаны в соавторстве с Ушаковым. Данилов, автор и научный редактор многих текстов по философии и политологии, работает доцентом на кафедре философской антропологии МГУ. Оба входят в редколлегию журнала «Логос». Вообще, стоит отметить, что очень многие выпускники моего курса остались в профессии.

В последние годы обучения в МГУ и в аспирантский период я посещал научные семинары по современной философии языка, организованные в Институте языкознания РАН академиком Юрием Сергеевичем Степановым. Это оказало определенное влияние на мое профессиональное развитие. Я начал интересоваться аналитической философией, прежде всего философией позднего Витгенштейна, оксфордской философией обыденного языка, теорией речевых актов. В тот период я еще не понимал всей специфики аналитической философии, ее масштабов в англоязычном мире, контекста обсуждения проблем философии языка, стандартов теоретизирования, принятых в данной традиции. Скорее, я рассматривал этот материал из перспективы континентальной философии, понимая философию языка в широком смысле, не выделяя аналитическую философию языка как особую дисциплину. В сущности, так философия языка понималась многими в тот период, в контексте хайдеггеровской и постхайдеггеровской мысли. На семинаре она рассматривалась скорее в связи с развитием семиотических идей в России и мире. Лингвисты оказались знакомы с некоторыми идеями аналитической философии языка, с ними, например, можно было обсудить теорию речевых актов. Философы же в массе своей на философском факультете вообще не были знакомы с этой областью философского знания. Здесь можно добавить, что именно лингвисты способствовали рецепции аналитической философии в России. Многие ключевые статьи ведущих аналитических философов публиковались в советский период в сборниках по лингвистике.

Несмотря на то, что эти семинары были вполне академичными, они сохраняли неприужденную, дружественную атмосферу, собирая не только лингвистов, но и философов и представителей других дисциплин. Во многом это было обусловлено личностью самого Степанова – человека интеллигентного в каком-то старом, классическом смысле, мягкого и утонченного, открытого к обсуждению новых идей, к общению с молодыми людьми. Общаясь с ним в неформальной обстановке после семинаров, мы с друзьями с интересом слушали его рассказы о стажировке во Франции в конце 50-х годов, о встречах с М. Фуко и другими французскими интеллектуалами. Благодаря Степанову, одна из моих первых статей вы-

шла в сборнике трудов этого семинара «Язык и искусство: Динамический авангард наших дней».

Увлеченное стремление к освоению современного философского знания совпало с господствовавшей на философском факультете во второй половине 90-х годов академической свободой. Как студенты мы могли реально влиять на процесс обучения. Это проявлялось в том, что у нас была возможность выбирать, какие спецкурсы слушать, заменяя одни на другие. Мы могли просить руководство специально организовать курсы по интересующим нас темам, и руководство часто шло нам навстречу. Так, например, для нас были организованы курс Т. В. Васильевой по латинскому языку, дополнительный курс А. Ф. Грязнова по аналитической философии. Руководство факультета шло даже на то, что по нашей просьбе обеспечивало для нас возможность послушать на факультете курсы преподавателей из других академических учреждений. Благодаря этому мы посещали курсы С. Н. Зимовца, В. А. Подороги, В. И. Молчанова и др. В принципе, у нас даже была возможность выбирать, семинарские занятия какого преподавателя посещать по основным, обязательным курсам. Например, воспользовавшись такой возможностью, я предпочел ходить на семинарские занятия по философии Нового времени, которые вел В. В. Васильев, хотя для нашей группы был назначен какой-то другой преподаватель. Возможность высказывать свое мнение о том или ином читаемом курсе иногда приводила к конфликтам на факультете. Самый сильный скандал, вышедший даже за пределы факультета и получивший освещение в СМИ, разразился, когда студенты стали критиковать курс, который читал член-корреспондент РАН профессор С. Т. Мелюхин. Пожалуй, подобной ситуации не было ни до этого времени, ни после.

К сожалению, на факультете читалось достаточно много слабых, бессодержательных курсов. Однако были и сильные курсы, на которых можно было действительно познакомиться с современными философскими проблемами, и семинары, на которых преподавателям удавалось организовать живое обсуждение этих проблем. На мой взгляд, наиболее популярными в тот период были кафедры онтологии и теории познания (тогда она называлась «теоретическая философия»), логики, истории зарубежной философии, истории и теории мировой культуры. Интерес к этим кафедрам был настолько высок, что некоторые мои знакомые, переходя с кафедры на кафедру, никак не могли определиться, где же специализироваться? А один студент в конце концов решил даже специализироваться сразу по двум кафедрам – логики и онтологии и теории познания.

У меня тоже были определенные сомнения и колебания, но я все же решил продолжать обучение на кафедре онтологии и теории познания. Во многом на это решение повлиял Василий Юрьевич Кузнецов, который стал моим научным руководителем. Его несомненным талантом как педагога является способность заинтересовать, увлечь, я бы даже сказал, зачаровать философией, показав, что это, пожалуй, единственный вид деятельности, который достоин того, чтобы ему посвятить жизнь. Пытаясь ввести студентов в пространство философии, Василий Юрьевич организовывал вне рамок семинаров встречи студентов для дискуссий, знакомил нас с интересными мыслителями. Например, он познакомил меня с Ю. С. Степановым, организовал для меня и моих друзей встречу с В. В. Налимовым. Как научный руководитель он предоставлял мне абсолютную свободу в философском творчестве, в выборе тем и подходов для их исследования, но при этом всегда с большим вниманием относился к моей научной работе, поправляя, корректируя, давая советы относительно решения тех или иных философских вопросов. За это я ему очень благодарен. Подход В. Ю. Кузнецова к обучению студентов характеризовался антидогматизмом, открытостью к принятию различных взглядов. Это же можно сказать и о В. Е. Дмитриеве и А. Б. Толстове, чьи курсы пользовались популярностью у студентов и делали интересным обучение на данной кафедре.

Среди преподавателей других кафедр, которые повлияли на мое профессиональное развитие и чьи лекции и семинары заставляли порой задуматься о смене специализации, я бы назвал В. И. Маркина и В. А. Бочарова. Они читали нам базовый курс по логике. В 1990-е го-

ды у них вышел замечательный учебник по логике – один из лучших, на мой взгляд. Познавательным был спецкурс по неклассическим логикам Е. К. Войшвилло – классика данной дисциплины в нашей стране. На кафедре философии и методологии науки интересным был курс по методологии гуманитарных дисциплин, который читала Ю. Д. Артамонова. На кафедре истории и теории мировой культуры привлекали внимание лекции В. Н. Романова и семинарские занятия А. М. Шишкова. Однако больше всего запоминающихся курсов было предложено кафедрой истории зарубежной философии. Это, прежде всего, лекции по античной философии М. А. Гарнцева, семинары по философии Нового времени, немецкой классической философии и философии XX века, которые вели В. В. Васильев, П. В. Резвых, В. В. Анашвили, А. А. Костикова.

Особенно мне хотелось бы выделить лекции по аналитической философии, которые несколько семестров нам читал Александр Феодосиевич Грязнов. Именно они определили мое дальнейшее профессиональное развитие. Несомненно, Грязнов был выдающимся исследователем аналитической философии. Именно его можно считать основателем отечественной традиции аналитического подхода в философии, которая постепенно начинала складываться с начала нулевых годов. Мое формирование как аналитического философа происходило именно на его текстах и, главное, на его переводах ключевых статей ведущих аналитических философов. Когда я начал слушать лекции Грязнова, я уже был знаком с некоторыми идеями аналитических философов, прежде всего Мура и Витгенштейна. Лекции Александра Феодосиевича позволили мне увидеть целостную картину развития данной традиции философствования, а также генезис и место многих ключевых идей, выработанных в ней.

Особенность подхода Грязнова как историка философии к рассмотрению аналитической философии заключалась в том, что в своих лекциях он делал акцент не на позитивистской составляющей аналитической философии, а на той линии ее развития, которая была представлена философией здравого смысла Мура, идеями позднего Витгенштейна, оксфордской школой философии обыденного языка. Как мне представляется, он был единственным отечественным философом, который подобным образом систематически изучал данную традицию философствования. До него в нашей стране аналитическая философия рассматривалась преимущественно сквозь призму позитивизма. Возможно, в этом кроется корень ее неприятия нашими специалистами.

Заслугой Александра Феодосиевича я считаю также то, что он показал нам аналитическую философию не как одну из теорий, которые во множестве возникали в начале двадцатого века, а именно как современную традицию философствования, как масштабное явление, охватившее все англоязычные страны и ряд европейских стран. Действительно, аналитическая философия давно уже вышла за рамки конкретной исследовательской программы, какой она, возможно, была в начале двадцатого века. Грязнов подготовил перевод и предложил нам на занятиях прочитать текст Николаса Решера, в котором аналитическая философия характеризуется следующим образом: «Англо-американская аналитическая философия представляет собой не столько философскую позицию, сколько подход к проблемам, своеобразную идеологию того, как необходимо действовать в области, подлежащей исследованию» [Решер 1998: 454]. Этот подход можно представить следующим образом:

Старайся внести четкость и ясность в свою философскую работу; не увлекайся туманными идеями и неправомерными предложениями, а старайся представить свои философские идеи такими ясными и определенными, как только возможно; развивай и улучшай аппарат логико-лингвистического анализа и потом с наибольшей пользой употребляй его для придания доказательности своей точке зрения с такой максимальной ясностью, какой требуют обстоятельства [Там же: 464].

Данные методологические принципы используются в настоящее время не только в какой-то одной выделенной области знания, скажем философии языка, как это было в начале XX века. Их применение мы находим и во всех других философских дисциплинах, например

в метафизике, которая вернулась в аналитическую философию во второй половине прошлого столетия, эпистемологии, философии сознания и действия, философии языка, этике. При этом акцент в аналитических исследованиях делается на классических фундаментальных проблемах этих дисциплин. Можно смело сказать, что аналитическая философия в настоящее время является наследницей классической философской традиции, ориентированной на аргументативное решение фундаментальных философских проблем, которые ставились в философии Нового времени и которые, собственно, можно найти уже в античной философии.

Лекции Грязнова позволили мне также оценить масштаб того раскола, который произошел в двадцатом веке между континентальной философией и традицией аналитической философии. Термином «континентальная философия», как правило, обозначают те философские направления, которые возникли и развивались в двадцатом веке прежде всего в Германии и Франции. Это – феноменология, экзистенциализм, герменевтика, постмодернизм и многие другие. Часто в отечественной философии эти направления обозначаются как неклассические. Действительно, в определенном смысле континентальная философия порывает с классической традицией, нацеленной именно на решение фундаментальных проблем. Как мне представляется, двигаясь в русле трансценденталистской традиции, континентальная философия помещает в центр внимания прояснение условий существования человека в мире, что предполагает скорее ориентацию на понимание, интерпретацию культурных феноменов, чем на объяснение фундаментальных проблем. Интерпретация является вполне легитимным философско-методологическим приемом, однако в континентальной философии она представляется как работа по реконструкции того или иного исторического контекста, попытка поставить диагноз какому-либо культурному явлению, выявить симптоматику обсуждаемых идей. Все это в конечном итоге, по моему мнению, ведет к размыванию границ философии, утрате ею своей специфики. Вовлекаясь в этот вид теоретизирования, мы готовы уже видеть философию в работах экономистов, историков идей, литературоведов, социологов, антропологов, психоаналитиков. Философия все больше превращается в набор *studies* – гендерные исследования, урбанизм, постколониальные исследования, исследования медиа, технологий, критическая теория, феминизм и т. д.

Очевидно, что отечественная философия в 1990-е годы развивалась исключительно в рамках континентальной философии. На всем философском факультете МГУ среди полтора сотен преподавателей только А. Ф. Грязнов занимался аналитической философией. В Москве насчитывалось всего несколько специалистов по аналитической философии, но все они, как правило, исследовали данную традицию как историки философии. Философов, которые работали бы в парадигме аналитической философии, практически не было. Исключением, наверное, можно считать М. В. Лебедева. Написанная им совместно с А. З. Черняком в 2001 году работа об онтологических проблемах референции привлекла внимание отдельных студентов философского факультета.

В конце девяностых – начале нулевых в России начали издаваться переводы книг ведущих аналитических философов. Однако же, несмотря на то что многие ключевые тексты аналитических философов стали доступны на русском языке, отечественные философы не стремились осваивать эту традицию. Под влиянием Грязнова я всерьез заинтересовался аналитической философией. Следует признать, что поначалу я (подобно многим) рассматривал ее сквозь призму континентальной мысли и лишь со временем, уже начав свою профессиональную деятельность, полностью переключился на аналитический стиль философствования.

После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 2001 году я стал работать на философском факультете уже на полной ставке. Как отмечалось выше, на первые годы моей профессиональной карьеры пришелся спад активности в академической философской жизни, позволяющий говорить о «межпоколенческом провале». Отчасти это суждение основано на личных субъективных впечатлениях, что, возможно, объясняется моим отходом от континентальной традиции в сторону аналитической философии, которая, по сути, на тот

момент еще не сформировалась в нашей стране. Однако, как мне кажется, у этого явления имелись и объективные причины. Пользуясь терминологией Т. Куна, можно сказать, что период научной революции в нашей стране и сопутствующий ей творческий подъем, связанный с освоением континентальной философии, закончились к началу нулевых годов. Отечественное философское сообщество, ориентированное на континентальную философию, вступило в стадию «нормальной науки», когда прорабатываются отдельные вопросы, но базовые установки того или иного подхода уже не представляются чем-то новым, провокационным, что способно порождать какие-либо жаркие дискуссии. Другая причина появления «межпоколенческого провала» в отечественной философии заключалась, как я полагаю, в крайне низком уровне финансирования образования и науки в нулевые годы, что вынуждало молодых специалистов либо уходить из профессии, либо искать дополнительные заработки за пределами научной сферы. Такая экономическая ситуация никоим образом не способствовала ни их профессиональному росту, ни вовлеченности в академическую активность.

Этот отрезок собственной жизни я определяю для себя как период пустоты, когда отсутствовали какие-либо значимые философские события, которые могли бы меня заинтересовать, и философские сообщества, с которыми я мог бы разделить свои взгляды. В это время продолжалось мое самоопределение как философа, происходило интенсивное освоение материала современной аналитической философии. В этом плане на меня оказало сильное влияние участие в 2002 году в Летней школе по проблеме сознания, организованной философским факультетом Центрального Европейского университета в Будапеште. Вся Летняя школа была посвящена различным проблемам аналитической философии сознания. Возглавлял ее Тим Крейн – один из ведущих философов сознания в настоящее время. Центральной же темой занятий была трудная проблема сознания. Несмотря на то, что книга Чалмерса, посвященная данной проблеме, вышла в 1996 году, она по-прежнему вызывала самые оживленные дискуссии.

Благодаря лекциям Грязнова я уже имел начальные представления об аналитической философии сознания. Однако только на занятиях в Будапеште я смог осознать масштаб представленности этой дисциплины в англоязычном мире. По сути, к концу двадцатого века философия сознания, сменив философию языка, вышла на первый план в аналитической философии в качестве ведущей дисциплины данной традиции. Во многом это было связано с произошедшим в середине девяностых годов бумом в исследовании природы сознания, его качественных феноменальных аспектов, то есть квалиа. Количество публикаций по данной проблематике исчислялось десятками тысяч. Большинство наиболее известных широкой публике современных аналитических философов, так или иначе, обращались к исследованию проблематики философии сознания.

Фундаментальность, сложность проблемы сознания, новизна подходов к ее решению, предлагаемых аналитическими философами, настолько меня захватили, что в последующие годы данная проблема стала главной темой моих научных исследований. Я также стремился познакомить с ней студентов, которые слушали мои спецкурсы. В своих лекционных курсах, которые я читал на философском факультете МГУ в нулевые годы, я пытался популяризовать не только аналитическую философию в целом, но прежде всего аналитическую философию сознания.

Я был не единственным на факультете, кто работал в области аналитической философии сознания. В тот же период к исследованиям проблемы сознания обратился Вадим Валерьевич Васильев, внесший значительный вклад в развитие философии сознания в нашей стране. По сути, именно благодаря усилиям В. В. Васильева, а также Д. Б. Волкова, который в середине нулевых годов учился на философском факультете, посещая, в частности, мои лекции по аналитической философии, философия сознания стала признанной дисциплиной в отечественной философии.

Однако до конца нулевых – начала десятых годов, когда в науке стали появляться молодые философы, интересующиеся аналитической философией, было еще далеко. В первой половине нулевых, не видя какой-либо перспективы позитивных изменений в академической среде, я стал задумываться о том, чтобы уехать из России. В результате в 2006 году я поступил на PhD-программу философского факультета Центрального Европейского университета (ЦЕУ). Я выбрал этот университет, поскольку уже был с ним знаком, а информации о других англоязычных высших учебных заведениях в те годы в Интернете было очень мало.

Философский факультет ЦЕУ является убедительным примером того, насколько широко распространилась аналитическая философия в мире. Все преподаватели, даже те, кто читал курсы по истории философии, работали именно в парадигме этой философии. Соответственно, все курсы, которые там читались, освещали проблемы тех или иных дисциплин из перспективы аналитической философии. Преподавание велось на английском языке, хотя некоторые преподаватели происходили не из англоязычных стран, а из Центральной и Восточной Европы. Несмотря на то, что университет находился в столице Венгрии – Будапеште, аккредитован он был в штате Нью-Йорк, США, и вся программа обучения строилась именно по модели обучения в американских университетах.

Учиться на факультете было сложно. В нашей стране бытует мнение, что PhD-программы в англоязычных вузах подобны нашей аспирантуре. Это не так. Обучение длится дольше, как правило, пять и более лет. Первые два года студенты слушают курсы, и только после этого они могут приступить к написанию диссертации. В каждом семестре студенты выбирают по 3–4 курса. Один из них обязательный, другие – по выбору учащегося в соответствии с интересующей его проблематикой. Например, я выбрал курс «Философия сознания», который читал Говард Робинсон, декан факультета и ведущий специалист в области философии воспитания. Следуя сложившейся практике, он вел занятия совместно с другим преподавателем, что порождало в процессе преподавания споры и более интенсивное обсуждение проблем. В качестве второго дополнительного курса я начал посещать лекции по истории философии сознания, которые читала Каталин Фаркаш, сильный специалист в области философии сознания и эпистемологии, будущий декан этого факультета. Ей также помогал вести курс факультетский коллега, специалист по античной философии. Во время обучения на факультете я заинтересовался аналитической этикой, в связи с этим прослушал курсы «Метаэтика», «Нормативная этика», «Этика добродетели и эпистемология добродетели».

Общие базовые курсы, подобные отечественному аспирантскому курсу «История и философия науки», как я понял, на PhD-программах не читаются. Студенты, которые готовятся получить ученую степень, слушают курсы, предполагающие углубленное изучение проблематики, которую может представить только специалист. Если специалиста по интересующим вас вопросам на факультете нет, то вы и не услышите курсы по соответствующей дисциплине, не сможете специализироваться в этой области. Именно поэтому в рейтингах философских факультетов англоязычных университетов мы можем увидеть, что один вуз лидирует в какой-то определенной области, но в другой – отстает.

Традиционного разделения занятий на лекции и семинары не было. Если у преподавателя был какой-то материал, которым он хотел поделиться на занятиях, то он читал лекцию. Это могло занять 20 минут, а могло длиться и значительно дольше. Сами же занятия строились вокруг обсуждения какого-либо классического философского текста, представленного кем-то из студентов. В любой момент можно было остановить преподавателя или докладчика, задав вопрос, инициировав дискуссию. При этом к следующей теме или тексту не переходили до тех пор, пока все вопросы не были прояснены. Этот процесс мог растянуться на несколько занятий. Никто не стремился жестко подогнать под график те темы, которые были заявлены в курсе. Однако, как правило, мы успевали проработать все темы.

Само обсуждение велось в аналитическом ключе. Это значит, что акцент делался, прежде всего, на выяснении того, какой именно тезис защищает автор статьи, насколько хо-

рошо данный тезис обоснован и действительно ли он следует из тех посылок, которые принимаются в работе, а также какие контраргументы можно выдвинуть против рассуждений автора. При таком стиле любые попытки релятивизировать обсуждаемую проблему или тезис – и, соответственно, преодолеть, избавиться от них – за счет отсылок к определенному культурно-историческому контексту, генезису тех или иных понятий и проблем оказывались просто нерелевантными. Иначе говоря, генеалогический подход в духе Ницше здесь не работал. Если обсуждаемый тезис не является бессмысленным, то неважно, кто, когда и при каких обстоятельствах его выдвинул, важно лишь то, есть ли у нас основания, аргументы для принятия этого тезиса.

Несмотря на то, что я уже был знаком с аналитической философией, все же в качестве философа я сформировался в контексте континентальной философии, и порой мне было сложно принять предлагаемые стандарты обсуждения. Однако благодаря именно этим семинарам я все-таки смог познакомиться с предложенными стандартами, мне удалось понять изнутри, как «работает» аналитическая философия. Впоследствии я всегда старался придерживаться этих стандартов в своих исследованиях.

К сожалению, мне не удалось завершить обучение в ЦЕУ. В конце второго семестра первого года обучения я сильно заболел и был вынужден отправиться для лечения домой. Затратив около полутора месяцев на восстановление, я уже не мог нормально продолжать учиться и решил покинуть университет. Так закончился этот период моей жизни.

Поступив снова на философский факультет МГУ на работу в качестве преподавателя, я не ожидал каких-то принципиальных изменений в своей жизни, не предвидел чего-то отличного от того, что было до моей поездки в Венгрию. Однако именно в конце нулевых начался определенный подъем в академической и культурной жизни, связанный, в частности, с появлением устойчивого интереса к аналитической философии. В стране стали происходить какие-то минимальные изменения в плане увеличения финансирования науки, по крайней мере стали появляться гранты, поддерживающие молодых ученых. Наконец-то до нас докатилась волна, вызванная ростом интереса к философии сознания, которая в 90-е годы накрыла англоязычные страны. Многие заинтересовались этой проблематикой. В культурной жизни в целом появился тренд, обусловленный развитием научно-популярных образовательных площадок, на которых специалисты могли делиться своими знаниями с массовой аудиторией.

Но самым главным во всех этих изменениях было то, что в Москве и в других регионах страны появились молодые специалисты, не просто знакомые с аналитической философией, но готовые обсуждать ее проблематику на профессиональном уровне. Некоторые из них уже работали в этой парадигме. В конце нулевых и в начале десятых годов проводилось много крупных конференций, ориентированных на аналитическую философию. Эти научные мероприятия позволяли участникам обмениваться идеями, познакомиться друг с другом, способствовали формированию профессионального сообщества исследователей, работающих в данной области. Можно даже сказать, что в это время стало складываться первое поколение аналитических философов в России. В этот период я видел своей задачей популяризацию аналитической философии в целом и философии сознания в частности, а также установление связей со всеми, кто интересовался проблемами в этой области знания.

Поворотным годом, когда все эти тенденции и явления стали особенно заметны, был 2009 год. В этом году, например, я прочел цикл лекций по философии сознания в рамках работы Московского философского колледжа (МФК), в организации которого приняли участие мои друзья В. Данилов и Д. Кралечкин. МФК не был образовательной организацией в традиционном смысле, скорее, это была инициатива по поддержанию современных практик философствования. Предложенный мною цикл лекций имел популярный характер и был рассчитан на самую широкую публику. Лекции читались в вечернее время на разных московских площадках, например это мог быть небольшой книжный магазинчик. На удивление, они со-

бирали много народу, чему я был искренне рад, особенно когда наблюдал интерес к тем сюжетам аналитической философии сознания, о которых шла речь в моих рассказах.

В 2009 году продолжился семинар по аналитической метафизике, который мы организовали с Татьяной Левиной (ВШЭ) в конце 2008 года. Занятия проходили опять же по вечерам поочередно в МГУ и Высшей школе экономики. Их посещало много студентов и преподавателей, которые были не только из МГУ или Вышки. Принять участие в семинаре мог любой желающий. Это позволило мне установить контакты не только с коллегами из Высшей школы экономики, а помимо Татьяны Левиной, это и Диана Гаспарян, и Юлия и Виктор Горбатовы, и Софья Данько, которые интересовались аналитической философией и способствовали ее развитию в данном вузе, но и с учеными из других академических учреждений. Тогда я познакомился, например, с Петром Куслием из Института философии РАН, а через него несколько позже и с другими молодыми специалистами из этого института, которые увлекались аналитической философией, а именно: с Екатериной Востриковой и Андреем Веретенниковым.

Петр Куслий и его друзья из Института философии как раз являются представителями того поколения философов, которое начало свою профессиональную деятельность во второй половине нулевых годов и много сделало для развития аналитической философии в России. Например, Петр с Екатериной организовали в Институте философии семинар по логике и философии языка, где обсуждалась проблематика аналитической философии. Имея опыт редакторской работы в журнале «Эпистемология и философия науки», Петр Куслий, выступив как редактор-составитель, подготовил в 2009 году выпуск журнала «Логос», посвященный аналитической философии в России. На мой взгляд, это было знаковое событие года, которое способствовало самоопределению отечественного сообщества аналитических философов.

Петр сыграл важную роль в моей жизни. В 2011 году он активно способствовал моему переходу на работу из МГУ в Институт философии, за что я ему очень благодарен. Однако еще раньше, в 2009 году, он предложил мне занять место ученого секретаря Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта. Именно тогда я познакомился с Давидом Израилевичем Дубровским и Владиславом Александровичем Лекторским, которые были председателями этого совета. Проблематика искусственного интеллекта частично пересекается с философией сознания через философию когнитивной науки, однако не это привлекало меня в работе совета, не возможность услышать что-нибудь о проблемах искусственного интеллекта. Скорее, притягательной была возможность общения с самими Дубровским и Лекторским. Общаясь с ними на заседаниях совета, а потом работая в одном секторе, я не переставал восхищаться их высоким профессиональным уровнем, который, в частности, заключался в хорошем знании проблематики современной англоязычной аналитической традиции и способности связать идеи этого направления мысли с контекстом советской философии, а также дать им взвешенную критическую оценку.

При совете работала Всероссийская молодежная секция, представленная отделениями в разных городах России, а также под его эгидой проводились Всероссийские конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации». Основную роль в их организации играла Е. А. Никитина. Я также принимал участие в этих конференциях, выступая с докладами или же модерлируя работу секций. С 2009 года эти конференции стали ежегодными, они собирали молодых ученых со всей страны, с некоторыми из них у меня установились профессиональные контакты.

2009 год выдался напряженным: помимо участия в конференции по искусственному интеллекту, я выступил с докладами еще на трех конференциях. Одна из них проходила в Калифорнии. Она была организована Центром по исследованию сознания Университета Аризоны. Также я принял участие в работе V Российского философского конгресса, который состоялся в Новосибирске, и выступил на конференции «Философия сознания: аналитиче-

ская традиция. Третьи Грязновские чтения». Примечательность последних двух конференций заключается в том, что они как раз были примером тех событий, которые способствовали формированию сообщества аналитических философов в нашей стране.

В этом плане, например, новосибирский философский конгресс радикально отличался от аналогичных российских конгрессов именно тем, что он собрал на удивление много специалистов в области аналитической философии, работающих в нашей стране. Вот как писал о конгрессе один из его организаторов, профессор В. В. Целищев: «Задача, которую я ставил вместе с Валерием Суровцевым, состояла в том, чтобы выделить аналитическую философию из общего ряда, поскольку именно эта философия, доминирующая в значительной части мирового философского сообщества, стала осязаемой частью российской философии» [Целищев 2009].

Грязновские чтения, организованные на философском факультете МГУ профессором В. В. Васильевым, во многом способствовали объединению отечественных аналитических философов сознания, позволив связать разные поколения специалистов в этой области. На них выступали не только молодые специалисты, но и такие корифеи отечественной философии, как Давид Израилевич Дубровский и Нина Степановна Юлина.

Как отмечалось выше, Васильев много сделал для формирования аналитической философии сознания в России. Тогда, в 2009 году, несомненно, наиболее значимым событием для отечественной аналитической философии сознания было создание В. В. Васильевым и Д. Б. Волковым Московского центра исследования сознания. Благодаря работе этого центра отечественные философы получили возможность познакомиться с ведущими представителями аналитической философии. В течение ряда лет в Россию по приглашению центра приезжали с лекциями такие ученые и философы, как Дэвид Чалмерс, Дениел Деннет, Джон Серл, Патрисия Черчленд, Николас Хамфри, Дерк Перебум, Дэниел Столяр, Джесси Принц, Стюарт Хамероф, Тимоти Уильямсон.

Помимо организации встреч и выступлений этих ученых центр регулярно проводил также летние школы по философии сознания для молодых ученых. Все это способствовало тому, что вокруг центра стало формироваться ядро нового поколения молодых аналитических философов. В числе наиболее активных представителей этого нового поколения можно назвать таких специалистов, как Антон Кузнецов, Артем Беседин, Андрей Мерцалов, Евгений Логинов.

Еще одним важным направлением деятельности центра стал выпуск серии книг по аналитической философии сознания, в которую вошли как переводы трудов западных философов, в частности Д. Деннета и Д. Чалмерса, так и работы отечественных специалистов. В этой серии в 2012 году была опубликована и моя книга «Природа феноменального сознания», за что я очень признателен Дмитрию Волкову.

Нужно сказать, что именно из-за этой книги я и перешел в 2011 году из МГУ в Институт философии РАН. Я начал писать ее в 2010 году и понял, что не смогу завершить исследование, оставаясь на преподавательской работе. К счастью, в это время в Институте философии появились вакантные должности для молодых ученых, о чем мне сообщил Петр Куслий. Благодаря его содействию, а также поддержке А. А. Веретенникова, Н. С. Юлиной, В. А. Лекторского, Д. И. Дубровского я был принят на должность научного сотрудника в Институт философии РАН.

Начав работать в институте, я оказался в удивительно комфортной для меня академической среде. В первую очередь это связано с тем, что я нашел единомышленников своего поколения, разделяющих мои установки на исследование в классическом ключе сложных, фундаментальных проблем современной философии. И речь идет не только о тех специалистах в области аналитической философии, которых я уже упоминал, но и о сотрудниках института, специализирующихся в других областях философского знания, но тем не менее знакомых с аналитической философией. Это прежде всего Александр Антоновский, социальный эпи-

стемолог; Елена Труфанова, специалист по теории познания, в настоящее время сменившая В. А. Лекторского в должности руководителя сектора теории познания; Игорь Джохадзе, исследователь американского прагматизма, который также обращается в своем творчестве к аналитическим философам; Кирилл Карпов, специалист в области средневековой философии, затрагивающий проблематику аналитической философии религии (эта влиятельная область знания в аналитической философии в настоящий момент активно развивается в России, значительный вклад в этот процесс был сделан профессором В. К. Шохиним).

Единомышленников я обнаружил и среди представителей старшего поколения, готовых аргументированно спорить, критически обсуждать и развивать фундаментальные философские проблемы, в том числе поставленные в аналитической философии. Много часов, например, мы провели вместе с Д. И. Дубровским, обсуждая функционалистский подход к решению проблемы сознания и, в частности, особенности его варианта функционализма. Общаюсь с В. А. Лекторским, я с удивлением обнаружил, насколько близко сходятся наши взгляды на необходимость понимания сознания из перспективы энактивизма и теорий воплощенного сознания, развиваемых в современной когнитивной науке. Обнаружилось сходство во взглядах и на ту концептуальную связь, которая имеется между этими теориями и деятельностным подходом, представленным в советской философии, и в частности в трудах Э. В. Ильенкова. Я благодарен судьбе за то, что имел возможность общаться с Н. С. Юлиной. Вклад, который она внесла в развитие аналитической философии в России, сопоставим с тем, что сделал в этом направлении А. Ф. Грязнов. Она всегда была открыта для живых, непринужденных бесед с молодыми сотрудниками и готова оказать поддержку в их научной работе. Всегда интересным для меня было также общение с Александром Леонидовичем Никифоровым, обсуждение с ним его взглядов на аналитическую философию.

Атмосфера, присутствовавшая в институте, для которой характерны, на мой взгляд, доброжелательность и отсутствие разобщенности, позволила мне выйти в своей исследовательской деятельности на новый профессиональный уровень. Работая в институте, я завершил написание книги, переосмыслил и по-новому взглянул на поставленные ранее проблемы, подготовил и защитил в 2016 году докторскую диссертацию. В этом же году я уехал по программе Фулбрайта на стажировку в США в Городской университет Нью-Йорка. В определенном смысле на этом завершился «аналитический» период моей профессиональной деятельности. Можно сказать, что «прививка» аналитической философии в России удалась. На этом временном отрезке сложилось поколение, на которое повлияла аналитическая философия, а к середине десятых годов сформировалось, как мне кажется, уже новое поколение аналитических философов. В каком направлении оно будет развиваться, покажет время.

Решер Н. 1998. Взлет и падение аналитической философии. – *Аналитическая философия: становление и развитие*. – М.

Целищев В. В. 17 сентября 2009. Аналитическая философия в России. – *Агентство политических новостей*. – Доступно: <https://www.apn.ru/publications/article21963.htm>. – Проверено: 19.03.2024.